

И.С. Филиппов

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ФРАНЦИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Проблема становления феодализма

Москва • Издательство **Скрипторий** • 2000
2000

ББК 63.3(0)4

Ф 53

Филиппов И. С.

Ф 53 Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. — М.: “Издательство Скрипторий 2000”, 2000. — 800 с. с илл.

ISBN 5-94448-002-5

Монография посвящена ключевым проблемам истории раннего средневековья, рассмотренным на примере средиземноморских областей Франции. В центре внимания автора – социальные, экономические и правовые аспекты трансформации античного общества в феодальное. Анализируются также изменения в природно-географическом, этническом, демографическом, пространственном облике региона и в его хозяйственной жизни.

Книга адресована историкам, а также юристам, экономистам, географам и всем, кто интересуется историей и теоретическими вопросами исторической науки.

Автор – доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-94448-002-5

© Филиппов И. С., 2000

© “Издательство Скрипторий 2000”, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Двенадцать лет назад, на первых отдаленных подступах к этой работе, введение к ней начиналось с утверждения о том, что становление феодализма принадлежит к числу вечных проблем исторической науки. Многие изменилось с тех пор. Судя по современному состоянию литературы, она отодвинута на задворки. И дело не только в сомнениях в правомерности самого понятия “феодализм”, но и в угасании интереса к более общей проблеме изменчивости общественных форм. Совсем другие вопросы занимают сегодня историков. Переходная эпоха от античности к средневековью не обделена вниманием, но обращено оно, как правило, на более частные сюжеты истории ментальности, церкви и религиозной культуры, власти, знати, семьи, а также повседневной жизни, территориального устройства и форм поселений, но никак не на социально-экономическую или социально-правовую историю. При этом названные сюжеты все чаще рассматриваются как самодостаточные, фактически вне контекста проблемы трансформации античного общества в средневековое. В хронологическом же плане интерес сместился от рубежа античности и средневековья к рубежу первого и второго тысячелетий.

Речь идет как об отечественной, так и, в еще большей мере, о западной историографии, прежде всего, естественно, французской. При всех различиях в подходах и приоритетах, свойственных национальным школам, в современной науке наблюдается своего рода усталость от глобальных проблем исторического процесса. На первый план выдвинулись вопросы, непосредственно связанные с повседневной жизнью индивида, его духовным миром и средой обитания, по-видимому, более созвучные размышлениям и переживаниям современного человека. И даже те исследования, что максимально ориентированы на изучение общества в переломные моменты его истории, выглядят сегодня заметно более “очеловеченными”, чем еще четверть века назад, – в том смысле, что внимание приковано не столько к процессам, сколько к событиям, эти процессы характеризующим, и не к социальным группам, а к конкретным людям, семьям и корпорациям. Это не только дань моде и рынку, как можно было бы заподозрить, столкнувшись в канун 2000 г. с потоком литературы о 1000-м годе, но, очевидно, также необходимый этап историографического развития, в рамках которого историки пытаются преодолеть излишнюю абстрактность прежних исследовательских подходов и, одновременно, отражение еще плохо отрефлектированных перемен в духовной жизни нашего собственного общества.

Однако маятник качнулся слишком далеко. Акцент на конкретном, одно-разовом, индивидуальном не так уж редко оборачивается забвением той непреложной истины, что объектом исторического исследования является триа-

да: человек – общество – природа и что поэтому анализ даже самого неповторимого явления предполагает наличие некоей общей картины. Между тем иногда складывается впечатление, что эта картина исследователю безразлична или непонятна или видится давным-давно известной и недостойной авторского внимания. Одной из причин такого положения вещей является нерешенность и даже запущенность некоторых теоретических проблем изучения исторического процесса и неадекватность используемого при этом понятийного аппарата. Прежде всего это относится к сфере имущественных отношений, которые должно анализировать одновременно в экономических и правовых категориях, не смешивая, однако, как это случается слишком часто, одни с другими. Недостаточно осмыслено соотношение социально-экономических и технико-экономических явлений, что в свою очередь препятствует пониманию взаимодействия социальных и экономических процессов: стало считаться нормальным рассматривать первые в отрыве от последних и даже без оглядки на них.

Падение интереса к заявленной проблематике обусловлено также состоянием источников, зачастую малоадекватных для решения связанных с нею вопросов. По богатству, разнообразию и информативным возможностям они сильно уступают источникам эпохи классического средневековья, в массе своей неизданным, а потому особенно притягательным для большинства ученых. Поскольку о вкусах не спорят, скажу лишь, что применительно к избранной теме источников все же много, в том числе неопубликованных, а те, что издааны, далеко не всегда привлекались для изучения общественных процессов. Такое положение объясняется недостаточной разработанностью применимых к ним исследовательских методик, предполагающих к тому же гораздо больший объем работы, чем признается сегодня нормальным. В частности, от исследователя требуется готовность и умение анализировать очень разные в типологическом отношении источники, созданные на протяжении многовекового периода, принадлежащего как античности, так и средневековью. Наиболее популярная в наши дни монографическая разработка отдельно взятого источника, понимаемого как окно в изучаемый мир, актуальна и в данном случае, однако должна быть дополнена другими методиками, пригодными для обобщения разрозненного и разнородного материала.

Защищая свой выбор темы, я исхожу из того, что разработка проблемы становления феодализма является необходимым компонентом исследования истории раннего средневековья практически в любых ее аспектах. На какое-то время она может оказаться в тени, однако логика развития науки рано или поздно возвращает ее в круг преимущественного внимания ученых. Речь идет о потребностях как собственно медиевистики, так и исторической науки в целом, по самой сути своей нацеленной на изучение изменчивости общественных явлений. В конечном счете, трактовка даже самых неповторимых исторических фактов предполагает их соотнесение с макросоциальными процессами.

ми, поэтому периодическое переосмысление этих процессов заложено в самой природе исторического знания.

Литература, посвященная проблеме становления феодализма, столь велика, что даже беглый ее обзор потребовал бы специальной монографии внушительных размеров. Не претендуя на пересмотр основных положений о феодализме, утвердившихся в науке, даже в том, что касается его ранней фазы, я все же считаю некорректным уже во введении настаивать на каких-либо определениях. Выводы на этот счет уместнее сформулировать в заключении к работе, априори же вполне достаточно констатации того, что, при всех различиях в трактовке феодализма, этим термином обозначается система общественных отношений, характерных для средневековья и принципиально отличных от тех, что имели место в античности или в новое время. Соответственно, данное исследование имеет целью проследить трансформацию античного общества в средневековое и, по возможности, описать этот процесс в научных категориях.

Важно подчеркнуть, что становление феодализма не сводимо к его генезису. Речь идет не только об истоках и возникновении нового общественного строя, но и достижении им определенной степени зрелости. Объектом изучения должен быть весь процесс становления феодализма с той стадии общественного развития, на которой различимы его отдельные элементы, и до того момента, когда феодальный характер общества уже не вызывает сомнений. При таком подходе хронологические рамки исследования оказываются несколько размыты. Формально они охватывают период с V по XI в., иначе говоря со времени крушения Западной Римской империи, объективно облегчившего становление феодального строя, до их окончательного утверждения ко времени Первого крестового похода. Но поскольку элементы феодальных или протофеодальных отношений засвидетельствованы в Риме уже с III-IV вв., в некоторых случаях оказалось необходимым обращение к более раннему материалу. С другой стороны, замедленность процесса феодализации в отдельных местностях или же сохранение атавизмов раннефеодальных отношений в тех или иных сферах жизни обусловили периодическое обращение к материалу классического средневековья. Неравномерное распределение источников во времени и пространстве и их неизбежная неравноценность также побудили в ряде случаев расширить хронологические рамки исследования за счет более раннего и более позднего периодов, однако без претензии на их специальное рассмотрение. В центре внимания остается указанная семивековая эпоха.

Мотивированность этого замысла вряд ли нуждается в развернутой аргументации. Однако он достаточно оригинален, поскольку подавляющее большинство современных исследований, посвященных как формированию феодализма в целом, так и частным вопросам раннесредневековой истории региона, строится на материалах IX-XI, а чаще X-XI или X-XII вв. На то есть разно-

образные причины историографического и источниковедческого свойства, но в целом они недостаточно основательны: совершенно очевидно, что слабое внимание к первым столетиям средневековья наносит ущерб осмыслению всего процесса общественной трансформации. Печальным доказательством служат регулярно появляющиеся обзорные труды, в которых докаролингская эпоха обычно занимает очень скромное место, а иногда и вовсе упоминается для проформы. Специальные работы, посвященные социальной истории этого периода, пока что редки и носят слишком частный характер, чтобы на их основе строить серьезные обобщения. Преодоление этой ситуации является одной из главных задач данного исследования.

Несколько слов о его географических рамках. Хотя вынесенное в название работы понятие “Средиземноморская Франция” давно получило права гражданства у географов, историки пользуются им неохотно, предпочитая оперировать названиями провинций, княжеств, диоцезов, а также – все чаще – небольших территорий, совпадающих с округой какого-то одного города. Однако данное исследование, региональное, но никак не локальное, и к тому же ориентированное по преимуществу на изучение экономических, социальных и правовых, а не политических, процессов, целесообразно строить на более широкой географической основе. На этом пути встречаются свои трудности, которые, во избежание недоразумений, лучше оговорить заранее. В самом деле, какие районы Южной Франции считать средиземноморскими?

Речь, безусловно, идет не только о побережье, но и о внутренних, по большей части горных, областях. На редкость разнообразный пейзаж французского Средиземноморья позволяет исследовать становление феодализма в различных природно-хозяйственных условиях, оставаясь в то же время в пределах одного, достаточно единого в географическом, этническом и культурном отношении региона. Немногим более 100 километров отделяют Ривьеру от альпийских вершин Л’Аржантьер, высокогорный пиренейский массив Канигу отстоит от приморских низин Руссильона и вовсе на каких-то 40 километров – и так на каждом шагу. Контрасты разительны даже на равнине, например в долине Роны, где поля и виноградники уже за Арлем сменяются почти безжизненной каменистой равниной Крау, откуда рукой подать до болот, лагун и песчаных отмелей Камарга. И все же это одна “страна” с общей исторической судьбой, культурой и даже общей хозяйственной жизнью. Сравнительно небольшие расстояния сами по себе обеспечивали единство территории, сводя на нет значимость политических и административных границ и даже природных различий. Обусловленные географическим разделением труда внутрорегиональные перевозки зерна, масла, вина, сыра, соли, некоторых других базовых продуктов, а также перегонное скотоводство, создавали основу для активного передвижения людей, рассредоточенности их экономических интересов, сеньориальных связей и культовых приверженностей на обширных пространствах, зачастую соразмеримых со Средиземноморской Францией в целом.

Решающим доводом для определения географических рамок исследования стало состояние источников, прежде всего актового материала. География архивных собраний церковных и тем более светских магнатов Лангедока и Прованса, отражающая географию их сеньорий, за редкими исключениями, идеально совпадает с территорией Средиземноморской Франции. Почти все их владения находились именно здесь, поэтому сохранившиеся в их архивах материалы имеют ярко выраженный региональный характер. Так, огромный архив аббатства Сен-Виктор-де-Марсель на 95%, не меньше, состоял из провансальских и лангедокских грамот. И напротив, искать документы, проливающие свет на историю Лангедока и Прованса, в архивах даже соседних с ними областей – дело, как правило, неблагоприятное. Вряд ли это можно считать случайностью. Логичнее предположить, что сеньории этого региона формировались под воздействием географических аспектов публично-правовой и церковной жизни.

Прованс оставался достаточно устойчивым политическим образованием на протяжении почти всего средневековья. Территориальное единство более дробного Лангедока не в последнюю очередь обеспечивалось тем, что он совпадал с архиепископством Нарбонским. С другой стороны, тот факт, что в XI–XIII вв. целый ряд княжеств Лангедока и сопредельных с ним областей контролировался одним и тем же родом Тренкавелей, не мог не повлиять на географическое единство документации местных монастырей, капитулов и епископских кафедр. Сказанное в известной мере касается и нарративных источников, создание и дальнейшая судьба которых подчиняются действию несколько иных законов, в целом менее жестких. Например, агиографические тексты, связанные с монастырем св. Веры в Конке (расположенным в Родесском диоцезе, близ границы с Керси), как и его картулярий, в значительной своей части повествуют о событиях, имевших место в Тулузене, Каркассэ и других районах Лангедока.

В силу этих соображений, под Средиземноморской Францией понимается территория, не обязательно совпадающая с историческими провинциями в их средневековых или предреволюционных границах. Переводя это понятие на язык современного административного деления, это территория следующих департаментов: Буш-дю-Рон, Вар, Воклюз, Приморские Альпы, Нижние Альпы, Верхние Альпы (составляющие исторический Прованс), Гар, Лозер, Эро, Од, Тарн, Верхняя Гаронна (которые с небольшими оговорками можно соотносить с историческим Лангедоком) и Восточные Пиренеи (Руссильон – это уже часть Каталонии). Более условно причисление к средиземноморским департаментов Арьеж (графство Фуа), Авейрон (область Руэрг, тесно связанная с Лангедоком, но никогда не считавшаяся его частью), Ардеш (его северные кантоны тяготеют уже к Лиону) и Тарн-и-Гаронна, расположенного на границе Лангедока и Керси. Целесообразность такого причисления объясняется либо территориальным единством какого-то комплекса источников, либо вре-

менной общностью социально-исторических судеб этих областей с судьбами собственно Средиземноморской Франции.

Структура исследования во многом определяется состоянием источников и степенью их изученности. Я посчитал невозможным ограничить очерк историографии изложением основных концепций. Для того, чтобы понять их происхождение и аргументированность, логику возникновения тематических пристрастий и пробелов, понадобилось проследить эволюцию представлений о раннесредневековой истории региона с момента зарождения научной историографии, привлекая, помимо специальных, также общие труды по истории Франции, краеведческие и источниковедческие работы, исследования по смежным дисциплинам. В результате обзор историографии превратился в полноценную главу. По большей части анализируется литература, имеющая прямое отношение к истории Средиземноморской Франции; общие труды о генезисе феодализма затрагиваются лишь постольку, поскольку помогают определить истоки и оценить модификации основных для данной темы концепций.

Вторая глава представляет собой обзор источников. Меньше всего он похож на аннотированную библиографию: это также вполне самостоятельный раздел, в котором анализируются многие вопросы, важные для понимания изучаемых общественных процессов. Отправной точкой служила эволюция самого комплекса дошедших до нас источников. В связи с этим прослеживается история архивных и библиотечных фондов, в составе которых сохранились интересующие нас тексты, в том числе возникшие в них пробелы и диспропорции. Исследование этих вопросов имеет первостепенное значение для оценки представительности уцелевших источников и адекватности отражения в них изучаемой действительности. Попутно рассматриваются история введения этих источников в научный оборот, качество публикаций, соотношение изданного и неизданного материала.

Исследование процесса становления феодализма предполагает сосредоточение внимания на социально-экономических, социально-правовых и социально-политических явлениях. Ясно, однако, что их полноценное изучение невозможно без основательного знакомства с теми явлениями, которые, отличаясь высокой степенью стабильности либо достаточной автономией, не связаны напрямую с феодальным строем. Речь идет о природных условиях, этнических и демографических характеристиках, а также о социальной организации пространства, прежде всего о формах поселений. Этим сюжетам посвящена третья глава: "Земля и люди". Из того же ряда технико-экономические аспекты аграрной истории: сельскохозяйственные культуры, севообороты, способы обработки земли, аграрный пейзаж, соотношение земледелия со скотоводством и основными промыслами. Их анализ составляет четвертую главу.

В пятой главе рассматриваются ключевые вопросы социально-экономической истории региона, а именно: соотношение крупной и мелкой собствен-

ности, соотношение господского и крестьянского хозяйства, вопрос о существовании общины, наконец роль рынка и денежного обращения.

В шестой главе прослеживается история основных социальных групп, их трансформация от античности к классическому средневековью. Акцент сделан на социально-правовых аспектах классовобразования, разумеется, с учетом социально-экономических и социально-политических сторон этого процесса.

Заключительная седьмая глава, самая большая по объему, посвящена отношениям собственности, рассматриваемым в единстве их правовых и экономических аспектов. В методологическом плане главной в данном случае является сложная проблема отражения экономических явлений в праве, понимаемом как совокупность законодательных установлений, иных санкционированных государством норм и правовых обычаев разного уровня. Анализируется эволюция представлений об обладании имуществом начиная с эпохи расцвета классической римской юриспруденции и заканчивая XI столетием. Внимание уделяется трактовке как объекта, так и субъекта имущественных прав, а также особенностям распоряжения имуществом, преимущественно земельным. Далее рассматриваются статус крестьянского держания, наконец форма и размеры земельной ренты как экономической реализации права земельной собственности.

Исследование, таким образом, движется по кругу: от анализа организации пространства и технико-экономических параметров хозяйственного строя, через изучение социально-экономического облика землевладения и социально-правового статуса его субъектов, к юридической характеристике имущественных отношений и рассмотрению экономического содержания отношений собственности. При таком подходе распределение материала по главам носит, в известной мере, условный характер. Например, проблема соотношения крупного и мелкого землевладения имеет, помимо социально-экономических, также социально-правовые аспекты, в том числе публично-правовые. Изучение земельной ренты предполагает учет социального статуса зависимых крестьян и т. д.

Работа не претендует на всестороннее исследование раннесредневекового общества. Выбор сюжетов определяется, наряду с общим замыслом, степенью их изученности. В частности, привлекавшие наибольшее внимание историков политические, судебные, церковные институты не являются предметом самостоятельного исследования, хотя и затрагиваются в связи с анализом других явлений. Примером могут служить политические институты, рассматриваемые при характеристике территориального устройства, фиска, бенефиция, публично-правовых повинностей, некоторых других вопросов. В целом, можно надеяться, что избранный ракурс исследования позволяет составить достаточно полное представление об изучаемом обществе.

Работа над книгой продолжалась без малого двадцать лет. За это время менялись не только ее очертания и содержание, но и сами условия, в которых

она писалась. Начиная с 1997 г. я получил наконец доступ к архивным, библиотечным и музейным собраниям Франции, равно как и возможность посмотреть изучаемую страну, соприкоснуться с ее научной жизнью, познакомиться с зарубежными коллегами, до этого известными мне почти исключительно по литературе. Все это создало принципиально новую основу для исследования, поэтому не будет преувеличением сказать, что, несмотря на многочисленные наработки и заделы прежних лет, книга, в ее нынешнем виде, была написана за последние четыре года.

Оглядываясь назад, я хотел бы поблагодарить тех, кто на протяжении всего этого времени или на отдельных этапах так или иначе оказывал мне содействие в работе.

Первые слова благодарности, за неизменную поддержку, адресованы кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ и историческому факультету в целом. Из других учреждений, оказавших мне в последние годы организационную и финансовую помощь, хотел бы назвать Дом наук о человеке в Париже, университеты Монпелье-III, Париж-I, Пуатье, Тулуза-II и Экс-ан-Прованс, также Грегорианский университет в Риме, колледж Смита (г. Нортгэмптон, штат Массачусетс) и Институт истории права Общества Макса Планка во Франкфурте-на-Майне.

В своей работе я опирался в первую очередь на коллекции отечественных библиотек: Российской государственной библиотеки, Института научной информации по общественным наукам РАН, библиотеки Московского государственного университета, Библиотеки Академии наук, Российской национальной библиотеки, других научных библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. Из зарубежных, помимо библиотек перечисленных выше учреждений, я особенно обязан Национальной библиотеке Франции, специализированным библиотекам Сорбонны, библиотеке Высшей нормальной школы, Британской библиотеке, Ватиканской библиотеке и Национальной библиотеке Каталонии. Считая библиотечарей коллегами, выражаю им искреннюю признательность за всевозможную помощь.

В более личном плане начну со слов благодарности моим учителям, прежде всего Ю.Л.Бессмертному, А.Р.Корсунскому и А.Д.Люблинской, памяти которой я посвящаю эту книгу.

Что касается других российских медиевистов, мне следовало бы, по совети говоря, поблагодарить очень многих – за консультации, за доступ к материалам из личных библиотек, за возможность обсудить те или иные вопросы, просто за моральную поддержку, которая дорогого стоит. В этой ситуации я вынужден ограничиться упоминанием только двух старших коллег, помогших мне в работе непосредственно с этим текстом, а именно Л.Т.Мильской и И.С.Чичурова.

По характеру исследования, мне пришлось не раз затрагивать проблематику истории античности и нового времени. В связи с этим я хотел бы выра-

зять признательность за советы коллегам по соседним цехам: из антиковедов – Д.В.Дождеву, В.И.Кузищину, И.Л.Маяк и А.Л.Смышляеву, из специалистов по новой истории – А.В.Адо. Междисциплинарный характер некоторых вопросов, поднятых в монографии, побуждал меня обращаться за консультациями также к ученым, работающим в смежных с историей отраслях знания. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить из юристов В.С.Нерсисянца, из экономистов – Р.М.Нуреева, Я.А.Познера и А.В.Полетаева.

Из зарубежных коллег я хотел бы в первую очередь назвать директора Дома наук о человеке М.Эмара, открывшего мне, как и многим российским исследователям, окно во французскую науку, а также его сотрудницу С.Кольпар. Французские коллеги, где бы они ни работали, были исключительно внимательны ко мне и оказывали самую разнообразную помощь, начиная от консультаций и содействия в доступе к библиотечным и архивным материалам, в том числе из провинциальных собраний, и заканчивая гостеприимством и совместными поездками по труднодоступным для иностранца местностям Средиземноморской Франции.

Самые искренние слова признательности нынешним и бывшим профессорам и преподавателям университетов и других высших учебных заведений Франции: Ф.Бернарди (Авиньон), М.Клавель (Безансон), Л.Феллеру (Вальде-Марн), М.Зиммерману (Версаль), Ф.Менану (Высшая нормальная школа), А.Фальк-Веру (Гренобль), К.Лорансону-Роза, Ф.Тремону (Клермон-Ферран), Ж.Дюби, Э.Леруа Ладюри, П.Туберу (Коллеж де Франс), П.-И.Лаффону (Ле Ман), Л.Отис-Кур (Монпелье-I), Ж.-Л.Аббэ, Д. Ле Блевеку, Ж.Гуирану, Ж.Кай, М.Шалону, Ж.-К.Эласу (Монпелье-III), М.Бурэн, М.Париссу (Париж-I), М.Амберу, Ж.-М.Карбассу (Париж-II), Д.Бартелеми, Л.Пьетри, П.Рише (Париж-IV), П.Шастану (Париж-VIII), И.-М.Дювалю, К.Лепелле, Ж.-П.Поли (Париж-X), А.Катафо, Ж.Ларгье, А.Руссель (Перпиньян), М.Аурелю, С.Треффор, Ф.Сенаку (Пуатье), М.Берту, П.Боннасси, Э.Дебакс, К.Делашлас (Тулуза-II), Б.Божар, Н.Готье (Тур), А.Дюран, Ж.-П.Буайе, Н.Куле, Л.Стуфу (Экс-ан-Прованс), равно как сотрудникам ряда отделений Национального совета высших исследований: К.Рэйно (Латт), Э.Маньяни-Соареш Кристен (Оксер), Д.Йонья-Пра, А.Рюкуа (Париж), К.Амадо, П.-А.Бийи, Б.Кюрсенту, М.Мунье, М.-П.Рюас (Тулуза), Э.Задора-Риу (Тур), Г.Демиян д'Аршамбо, Ж.Гюйону, Д.Мутону, М.Фиксо, Л.Шнейдеру (Экс-ан-Прованс).

В библиотечном мире Франции я хотел бы поблагодарить Э.Леруа Ладюри, на этот раз в качестве бывшего директора Национальной библиотеки, заведующую ее рукописным отделом М.Коэн, директора библиотеки Высшей нормальной школы П.Птиманжена, заведующую библиотекой истории религий Сорбонны П.Амбер.

Неоценимую помощь оказали директора и сотрудники, нынешние и бывшие, ряда департаментских архивов Южной Франции, как правило, также историки-исследователи: А.Поль (Верхние Альпы), Д.Дюпра (Ардеш), М.Вил-

лар, А.Плаюст и П.Сантони (Буш-дю-Рон), П.-И.Плаюст и П.Бюи (Вар), Б.Сюо и Ж.Дуйар (Верхняя Гаронна), К.Мартелла и Б.Тома (Воклюз), К.Ланже и Н.Жильбер (Восточные Пиренеи), А.Вентурини (Гар), П.Дебофль (Жер), Э.Дюту, А.Лоран и Б.Мори (Лозер), С.Коканас и Ж.Блан (Од), Ж. Ле Потье, С. де Портер, Л.Вальс, М.-Д.Вернэ и М.Сент-Мари (Эро).

Весьма полезными были для меня консультации сотрудников региональных отделений Службы культурного и природного наследия Франции: О.Пуассона, П.Флорансона (Лангедок – Руссильон), Р.Буайе, Э.Соз, М.-П.Эстьен (Прованс – Лазурный берег), Ж.Дюпра (Рона – Альпы), а также руководителя археологической службы городского музея Арля М.Айманса.

Не могу не отметить помощь В.Депре и Ж.Курро, деливших со мной своими знаниями и материалами из богатейшей библиотеки аббатства Лигуже.

Помимо французских ученых, в работе над книгой я не раз обращался за советом и помощью к коллегам из университетов и исследовательских центров других стран. Хочу особо поблагодарить Ф.Шейета (Амхерст), Ж.Клоса Фаррес, Ж.-М.Сальрака, М.Санчеса (Барселона), К.Уикхэма (Бирмингем), Л.То (Жерона), П.Фридмана (Йель), Ф.Сабатэ (Лерида), М.Хиллебрандт (Мюнстер), П.Гири (Нотр-Дам), А. ди Берардино, Л.Падовезе, С.Пизано, В.Саксера, Б.Ферма, Р.Чемуса (Рим), Ю.Хаски (Стетсон), К.Строу (Маунт-Холиоук), Дж.Афферику, М.-Ж.Делаж (Смит), Л.Бургманна (Франкфурт-на-Майне) и С.Лозеби (Шеффилд).

За разнообразную помощь в работе над рукописью выражаю искреннюю признательность моим ученикам и товарищам М.Ф.Высокому, Е.Ю.Капрановой, Н.В.Кулипановой, Г.А.Поповой, А.И.Решину, А.В.Тарасовой и В.С.Ярных.

Особая благодарность, за всемерную поддержку, моей жене О.В.Филипповой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Историография	13
Глава II. Источник	74
1. Общая характеристика	74
2. Нормативные источники	76
3. Нарративные источники	81
4. Документальные источники	94
а. Важнейшие этапы эволюции документального комплекса	94
б. Структура документального комплекса	107
в. Описи	135
Глава III. Земля и люди	148
1. Природная среда	148
2. Население	165
3. Территориальная организация	199
4. Формы поселений	222
Глава IV. Аграрный строй	269
1. Сельскохозяйственные культуры	270
2. Севообороты	303
3. Аграрный пейзаж	310
4. Скотоводство	328
5. Промыслы	350
Глава V. Формы социально-экономической организации	358
1. Крупная и мелкая собственность	358
2. Крупное и мелкое хозяйство	393
3. Община	406
4. Рынок	417
Глава VI. Социальная структура	457
1. Арль первой половины VI в.	457
2. Формирование класса феодалов	478
3. Формирование феодально-зависимого крестьянства	511
Глава VII. Отношения собственности	550
1. Общие замечания	550
2. Формы обладания имуществом	558
3. Субъект права собственности	636
4. Особенности распоряжения имуществом	673
5. Статус крестьянского держания	691
6. Рента	713
Заключение	745
Указатель терминов	754
Карты	756
Библиография	754

TABLE DES MATIÈRES

Introduction	3
Chapitre I. Historiographie	13
Chapitre II. Les sources	74
1. Caractéristique générale	74
2. Les sources normatives	76
3. Les sources narratives	81
4. Les sources documentaires	94
a. La transmission des actes à travers les siècles	94
b. La structure de la documentation transmise	107
c. Les inventaires	135
Chapitre III. La terre et les hommes	148
1. Le milieu naturel	148
2. La population	165
3. L'organisation territoriale	199
4. Les formes d'habitat	222
Chapitre IV. La vie agraire	269
1. Les cultures	270
2. Les assolements	303
3. Le paysage agraire	310
4. L'élevage	328
5. La pêche et la saline	350
Chapitre V. Les formes d'organisation sociale et économique	358
1. La grande et la petite propriété	358
2. La grande et la petite production	393
3. La communauté	406
4. Le marché	417
Chapitre VI. La structure sociale	457
1. Arles dans la première moitié du VI siècle	457
2. La formation de la classe féodale	478
3. La formation de la paysannerie dépendante	511
Chapitre VII. Le droit des biens	550
1. Considérations générales	550
2. Les formes principales de la maîtrise des biens	558
3. Le sujet de droit des biens	636
4. Les particularités de disposition des biens	673
5. Le statut de la tenure paysanne	691
6. La rente	713
Conclusion	745
Index des termes	756
Cartes	754
Bibliographie	758

Научное издание

И. С. Филиппов

**Средиземноморская Франция
в раннее средневековье**

I. S. Filippov

**La France méditerranéenne dans le haut moyen âge
Le problème de formation du féodalisme**

Публикуется в авторской редакции

Корректоры

М. Н. Васильева, Г. П. Занегина

Оригинал-макет подготовил

С. А. Карпухин

“Издательство Скрипторий 2000”

тел. (095) 135-66-59

Изд. лиц. ИД № 03645 от 25.12.2000

ISBN 5-94448-002-5

Формат 70x100^{1/16}. Подписано в печать 28.12.2000 г.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 65 + 1,3 цв. вкл. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в типографии

ООО «КРУК»